

13-го Июля
1903 г.

РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ

Воскресенье
№ 153.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годовое изданіе журнала ВОЕННЫЙ СВОРНИКЪ, вмѣстѣ
съ газетой РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ, для военно-служащихъ,
съ доставкою или пересылкою 13 рублей.

Газета РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ, съ доставкою или пересылкою:

На годъ.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
Въ Россіи	Р. 9	Р. 8	Р. 7	Р. 6	Р. 5	Р. 4	Р. 3	Р. 2	Р. 1	Р. 0	Р. 0
За границу . . .	15	14	13	12	11	10	9	8	7	6	5

Подписка безъ доставки не принимается.

Отдѣльные номера газеты продаются въ конторѣ редакціи по 5 коп.

ГАЗЕТА ВОЕННАЯ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО,

КРОМЕ ДНЕЙ, СЛѢДУЮЩИХЪ ЗА ПРАЗДНИКАМИ.



Годъ 90-й

ПОДПИСКА и ОБЪЯВЛЕНІЯ принимаются въ конторѣ редакціи: отъ 10 ч. у. до 5 ч. веч. С.-Петербурга, уголъ Литейнаго и Пантелеймоновской, №№ 21—14. Тел. № 672.

ОБЪЯВЛЕНІЯ: 1) чужеземцы—по тарифу—12 к. за строку текста. 2) разсылку частныхъ объявленій взимается 1 коп. съ перваго листа и по вѣнцу шрифта. Газ. Шт. 1900 г. № 282, должны быть доставлены въ Главн. Штабъ, съ приложеніемъ за транспортное впечатаніе 2/3 к. съ каждой буквы и цифры.

ЗА ПЕРЕМѢНУ АДРЕСА: иногороднаго на иногородный, каждый разъ по 20 коп. и сообщать прежній адресъ или присылать бланкетъ, городского на иногородный, и обратно, по срокамъ за 11 мѣс. — 1 р. 60 к., за 10 м.—1 р. 50 к., за 9 м.—1 р. 40 к., за 8 м.—1 р. 30 к., за 7 м.—1 р. 20 к., за 6 м.—1 р. 10 к., за 5 м.—1 р., за 4 м.—80 к., за 3 м.—70 к., за 2 м.—60 к., за 1 м.—50 к.

P. M. Ghmélkov.

(Notice avec un portrait et neuf gravures.—Denis Roche. Paris. 1903, p. 38).

Читатели «Русского Инвалида», съ немалымъ, вѣроятно, недоумѣніемъ прочтутъ во французской транскрипціи это мало извѣстное русское имя, о которомъ, очевидно, больше знаютъ въ Парижѣ и надъ которымъ французскій авторъ этой книжки поставилъ громкій титулъ: *Un artiste russe très expressif*...

Недоумѣвали надъ нимъ даже тѣ, кому оно, казалось-бы, должно быть издавна и хорошо извѣстно—*пѣтомцы 2-й московской военной гимназій и 2-го московскаго кадетскаго корпуса*.

У меня есть одинъ пріятель изъ числа ихъ.

Я показывалъ ему эту книжку и онъ задумался. — Шп-мель-ковъ... Шмельковъ... Фамилія, какъ будто знакомая... Гмъ, кто такой, откуда? спрашивалъ онъ себя.

И вотъ, видимо, въ туманѣ его памяти медленно сталъ выплывать образъ высокаго, худого человѣка, съ кроткимъ, печальнымъ лицомъ, съ облысѣвшей головой, на темени которой такъ смѣшно связаны были въ узелокъ остатки жидкихъ, сѣдоватыхъ волосъ.

— Да, это нашъ учитель рисованія! оживляясь вдругъ воскликнулъ мой пріятель.

— Вспомнилъ, вспомнилъ! Шмельковъ! Чудакъ-ватый добрякъ! «Это не для васъ, а для насъ» — какъ мы звали его, сдѣлавъ ему это прозвище изъ его любимой фразы... Онъ всегда такъ говорилъ, когда какой-нибудь самонадѣянный мальчуганъ брался за рисунокъ не по силамъ или когда кто-нибудь просилъ ему поставить нужный для балла крупный баллъ. «Это не для васъ, а для

насъ», говорилъ Шмельковъ въ такихъ случаяхъ обонимъ. При всей своей добротѣ и кротости, онъ строгъ былъ въ оцѣнкѣ художественныхъ способностей своихъ учениковъ и рѣдко, очень рѣдко ставилъ выше восьми балловъ. Но все-же мы его любили и этой кличкой ограничивались всѣ тѣ выходки, на которыя такъ изобрѣтательны и щедры по адресу своихъ наставниковъ всѣ школьники. На большее не хватало духа при видѣ этого кроткаго существа, со строгою печалью на худомъ, остромъ и выразительномъ лицѣ. Насъ мало смѣшилъ даже этотъ странный узелокъ волосъ на полуобнаженномъ черепѣ.

— Но, позволь, — вдругъ перебилъ свои воспоминанія мой пріятель, — какой же онъ «artiste», да еще «tres expressif»... Мы объ этомъ ничего не знали и видѣли въ немъ просто учителя рисованія... Правда, очень талантливаго, преданнаго слѣпо своему «предмету», усердно раздувавшего «искру Божью», въ комъ замѣчалъ талантъ, и равнодушно относившагося къ прочимъ... Но чтобы онъ былъ художникомъ, да еще крупнымъ, — такимъ, о которомъ за границею знаютъ — не вѣдалъ и не вѣдаю... Намъ никто ничего не говорилъ, а самъ-то онъ, конечно, и намека не далъ по своей обычной скромности...

— Нѣтъ, это кто-нибудь другой, этотъ «un artiste très expressif», а не нашъ Петръ Михайловичъ, — рѣшилъ про своего учителя этотъ новый невѣрующій Тома.

Тогда я раскрылъ книжку г. Роша и показалъ ему портретъ художника.

— Онъ, онъ! — узналъ пріятель. Только тутъ онъ значительно моложе, чѣмъ я его помню... И узелка нѣтъ на головѣ... Но збрисъ лица, но глаза тѣ же, печальные...

— Однако это удивительно, — успокоившись сталъ

разсуждать пріятель, — вѣдь когда Шмельковъ умеръ, ни одна московская газета строчкой некролога не обмолвилась, на могилѣ никто слова не сказалъ о немъ, какъ художникъ «très expressif», а въ Парижѣ о немъ книжку издають... Стало быть, цѣнить... Что-жъ это значить? Чѣмъ это объяснить? — Мы лѣнны и не любопытны, — отвѣтилъ я пріятелю пушкинскою фразою.

Желая, однако, проверить слова моего друга о безучастности Москвы къ судьбѣ художника, всю жизнь въ ней прожившаго и протрудившагося, я отправился въ публичную бібліотеку, пересмотрѣвъ всѣ московскія газеты, выходившія въ годъ его смерти и, дѣйствительно, кромѣ обычнаго извѣщенія отъ семьи о кончинѣ Петра Михайловича, — ничего не нашелъ (!). Даже корпусъ, въ которомъ онъ прослужилъ полвѣка, если не болѣе, ничѣмъ не отозвался на печальное событіе...

Тѣмъ большій интересъ, тѣмъ большую цѣнность представляетъ теперь эта книжка г. Роша. Какъ мнѣ извѣстно, ся авторъ давно уже интересуется Россіей, ся искусствомъ и литературою. Разъ три онъ побывалъ у насъ, завязалъ знакомства въ художественномъ и литературномъ мірѣ и въ результатѣ далъ французамъ вполнѣ литературный, художественный переводъ нѣкоторыхъ, наиболѣе крупныхъ, произведеній Ан. П. Чехова, а по книгамъ А. Ө. Конни — о докторѣ Гаазѣ и В. Л. Величко — о Вл. С. Соловьевѣ познакомилъ своихъ соотечественниковъ и

(!) Оно напечатано въ ММ «Московскихъ» и «Русскихъ Вѣдомостей» и «Московского Листка», отъ 11-го октября 1890 года, и гласитъ: «Петръ Михайловичъ Шмельковъ скончался 9-го октября. Панихида въ 12 час. дня и 6 час. вечера. Казанская улица, въ Суцовой, собств. домъ. О чемъ жена и дѣти извѣщаютъ родныхъ и знакомыхъ. Выносъ и отпѣваніе тѣла 12-го октября, въ 9 час. утра, въ церкви св. Пимена, что въ Суцовой. Погребеніе на Ваганьковскомъ кладбищѣ».

съ личностью этихъ выдающихся русскихъ людей — представителей русскаго ума и русской души. Новая книга г. Роша — о Шмельковѣ — новое, и надо надѣяться, не послѣднее звено въ этой цѣпи его работъ на пользу духовнаго, культурнаго сближенія двухъ націй. Она написана прекраснымъ — языкомъ и вся пронизана умилительно въ иностранцѣ сердечною теплотою къ русскому художнику. Чувствуется, что онъ полюбилъ Шмелькова не только какъ «артиста», но и какъ человѣка и что симпатія автора къ нему выросли не изъ одной лашы критической оцѣнки работъ Шмелькова, но и изъ трагическихъ обстоятельствъ его жизни. Вотъ впрочемъ, какъ г. Рошъ самъ объ этомъ говоритъ:

Произведенія Шмелькова крайне рѣдки. Въ Москвѣ, гдѣ онъ жилъ, въ Третьяковской галерей, въ этой сокровищницѣ русскаго искусства, этотъ художникъ представленъ всего лишь восемью номерами. Въ петербургскомъ музее имени Императора Александра III изъ его работъ нѣтъ ничего.

Когда нашелся одинъ изъ его эскизовъ, мое любопытство пробудилось тотчасъ. Поразили точность, вѣрность наблюденія, простота передачи, ясность композиции и юморъ, скромный и глубокий, полный рядкой благосклонности... Еще легко можно было замѣтить — глубокое пониманіе человѣческихъ страданій.

Я сталъ справляться о немъ. Никто не могъ дать мнѣ свѣдѣній, указать что нибудь крупное. Наконецъ, напалъ на альбомъ, теперь уже въ продажѣ не имѣющійся, второй выпускъ котораго некогда, вѣроятно, не появился и который былъ изданъ И. П. Харитоненко въ годъ смерти художника. Въ предисловіи, написанномъ М. С. Васильевымъ, и прочелъ на шести страничкахъ жизнь Шмелькова. Какая печальная жизнь! Никогда не загладится горькое впечатлѣніе отъ плачевнаго существованія артиста, таланта котораго былъ залушенъ...

И г. Рошъ передаетъ ее въ своей обработкѣ, освѣщенною этою грустью сердца, которому близко все прекрасное, все возвышенное, чему служить литература и искусство... За разсказомъ о ней, онъ

дасть и критическій обзоръ его произведений, давать снимковъ съ которыхъ приложены къ книжкѣ (1). Но на этой ея части мы останавливаться не будемъ.. Остановимся на первой—биографической. Ученикамъ П. М. Шмелкова, которыхъ, вѣроятно, не мало среди читателей «Русскаго Инвалида», надо думать, хотя и поздно, интересно будетъ знать, кто онъ былъ и что сдѣлало вѣчно-печальнымъ лицо ихъ стараго учителя рисованія.

Да, жизнь Шмелкова, это—тихая трагедія. Развѣ не трагическая это черта: всю жизнь искать въ другихъ «искру Божью», раздуть ее въ пожаръ, когда собственный крупный талантъ бьется въ оковахъ нужды, гложетъ въ средѣ, равнодушной къ его проявленіямъ? Развѣ нѣтъ трагическаго въ этомъ невѣдѣніи дѣтей, которымъ благосклонная судьба давала возможность знать и учиться подъ руководствомъ крупнаго дарованія? Какой это крупный стимулъ для ученическаго рвенія и зарожденія любви къ прекрасному, когда, что рука гения, рука «художника Божию милостью» поправляетъ дѣтскіе рисунки, даетъ совѣты, указанія и толкаетъ на служеніе великому искусству! Но они не знали, «не вѣдали»—и видѣли въ немъ просто «господина учителя», отпичавшагося только большею добротою въ обращеніи съ ними да смѣшнымъ узелкомъ съдыхъ волосъ на полубожаженномъ черепѣ. Сколько срашивающаго и возвышающаго трудъ и однообразную жизнь пропало для него и для нихъ отъ этого невѣдѣнія! Но не онъ и не они въ этомъ были виноваты.

Наконецъ, развѣ нѣтъ трагизма въ поздней славѣ, въ надгробной извѣстности? Помните эти прекрасныя строки одного изъ добродюбовскихъ стихотвореній:

(1) Это: «Наполеонъ въ Москвѣ», «Умываніе», «Тайкомъ отъ жены», «Въ трактирѣ» (дѣи сцены—1854 г.),

Пускай умру,—печали мало;
Одно страшить мой умъ больно,
Чтобы и смерть не разыграла
Обидной шутки надо мной.
Чтобъ то, къ чему стремился жадно
И такъ напрасно я жавой,
Не заблестало такъ отрадно
Надъ гробовой моею доской.

Сынъ крестьянина, Петръ Михайловичъ Шмелковъ родился 12-го іюля 1819 года въ Оренбургскомъ краѣ.. Неизвѣстно точно, когда онъ и его отецъ попали во Владимирскую губернію, но здѣсь кто-то замѣтилъ недюжинныя способности ребенка въ рисованіи и помогъ отправить его въ Москву—«въ науку».

Она, эта московская наука, была довольно скудной. Первый учитель Шмелкова самъ не умѣлъ рисовать съ натуры и потому все дѣло преподаванія ограничивалось тѣмъ, что ученикъ копировалъ сотню посовъ, сотню ушей, сотню рукъ и т. д. Интереснѣе бывали вечера, когда учитель рассказывалъ ученику о томъ, что пережилъ онъ, когда на Москву «французъ приходилъ», о томъ, какъ горѣла «бѣлокаменная», какъ безчинствовали въ ней французы и какъ онъ, вмѣстѣ съ другими ея обитателями, хоронился въ окрестныхъ лѣсахъ... Слѣдъ

«У родильнаго дома» (1852 г.), «Птицеловъ», «Иванъ Грозный, созерцающій комету» (акварель) и «Любимъ Торцовъ» (1862 г.). Изъ другихъ картинъ Шмелкова извѣстны: «Пожаръ» (1846 г.), «Игра въ покеръ», «Возвращеніе домой» (1848 г.), «Партия въ шахматы» (1849 г.), «Пора въ театръ» (1850 г.), «Балетъ», «На бульварѣ» (1856 г.), «Арестанты идутъ», «У фотографъ» (1857 г.), «Князь Серебряный» (1861 г.), «Сектантъ-самосожгатель» (акварель, 1869 г.) и, наконецъ, «Свѣтство въ былое время». И по сюжету и по характеру его разработки эта послѣдняя картина вполне родственна екатерининской «Поправкѣ обстоятельствъ». Недоконченною осталась историческая картина «Чума въ Москвѣ».

этихъ рассказовъ отыскался въ прекрасной, эффектной акварели Шмелкова—«Наполеонъ въ Москвѣ»... Не отъ нихъ-ли и любовь его къ бытовымъ сюжетамъ?.. Молчаливый, сосредоточенный и грустный въ своемъ раннемъ одиночествѣ среди чужихъ людей, Шмелковъ рано научился хорошо слушать и молча наблюдать жизнь...

Ея образы и картины хотѣлось ему изображать, но нужда, ранняя, безысходная, заставляла его писать... иконы и портреты «ихъ степенствъ»... За то и за другое ему платили насущнымъ хлѣбомъ, парой сапогъ, фуражкой, сюртукомъ. Кто чѣмъ изъ заказчиковъ торговалъ. Такое полуголодное существованіе длилось четыре года. Потомъ имъ снова заинтересовались. На этотъ разъ самъ «господинъ директоръ» московской школы живописи и ваянія.

Онъ принялъ Шмелкова въ эту школу и здѣсь послѣдній, уже двадцати-двухлѣтній малый, подобно Ломоносову, очутился рядомъ съ 12—14 лѣтними дѣтьми. Но и онъ учиться не стыдился и черезъ новыхъ четыре года вышелъ изъ школы съ званіемъ «художника» и—съ новымъ надломомъ своей артистической души.

Въ то время живопись была еще не свободна отъ рамокъ того классицизма, въ духъ котораго писали и Карлъ Брюловъ, и Бруни... Федотовъ, прозванный «отцомъ русскаго художественнаго жанра», еще не выставлялъ тогда свою знаменитую картину «Поправка обстоятельствъ или свѣтство майора»... А Шмелковъ уже задумывался надъ подобными сюжетами. Онъ хотѣлъ представить на конкурсѣ картину «Разсказъ солдата, вернушагося въ родную деревню, о службѣ». Когда онъ набросалъ уже всю эту сцену во всей ея безыскусственной простотѣ, въ мастерскую явился профессоръ Завьяловъ и приказалъ переписать всѣхъ этихъ слушающихъ слу-

живаго мужичковъ и бабъ въ Аполоновъ, Антиноевъ и Афродитъ.

Но этимъ не кончилось, однако, столкновеніе стараго, отживающаго съ молодымъ и сильнымъ, — бездарности съ талантомъ. Тотъ-же Завьяловъ, съ замѣчательною бездушностью писавшій какую-то религіозную картину, пожелалъ узнать о ней мнѣніе своего даровитаго ученика. Нужна была лесть. У Шмелкова ея въ запасѣ не было и онъ молчалъ. Ее потребовали. Тогда онъ признался, что неудовлетворенъ картиной. Это привело профессора въ ярость и онъ отомстилъ своему безпристрастному критику-ученику тѣмъ, что лишилъ его уроковъ, возможности выставить и продавать картины и даже той маленькой субсидіи, которую выхлопотали бѣдняку Шмелкову поклонники его таланта. Вотъ среди этихъ то ужасныхъ обстоятельствъ предложеніе уроковъ въ кадетскомъ корпусѣ показалося Шмелкову якоремъ спасенія и онъ принялъ его съ благодарностью (1).

Новое несчастье! Дружески расположенный къ нему инспекторъ классовъ корпуса оставилъ это мѣсто, и его преемникъ—сохранивъ за Шмелковымъ только небольшое число уроковъ. А бѣднякъ между тѣмъ только что женился... Пришлось опять принимать заказы, искать частныхъ уроковъ... Въ это время имъ были иллюстрированы книги: «Русская исторія», «Крымская война», «Азбука дѣдушки Прокофія» и альбомъ «Смѣхъ и слезы».

(1) Такъ какъ 2-й Московскій кадетскій корпусъ учрежденъ только въ 1849 году, а эти уроки Шмелковъ получилъ еще до своей женитьбы, послѣдовавшей въ 1848 году, то очевидно, что въ данномъ случаѣ рѣчь можетъ идти только о 1-мъ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ. Когда совершился переходъ Шмелкова на службу во 2-й корпусъ—неизвѣстно, да г. Рошу едва-ли и вѣдомо, что въ Москвѣ есть нѣсколько кадетскихъ корпусовъ.

зы» (1)... Крупному таланту пришлось во всемъ размигиваться на мелочь... Потянулась ужасная жизнь. Набѣгавшись за день по Москвѣ, художникъ возвращался къ себѣ, утомленный, раздраженный, *enervé*... Чтобы придти въ себя, забыть отъ тяжелой прозы жизни, уже при свѣтѣ лампы, онъ садился рисовать карандашомъ или акварелью. Тщетно, бывало, жена просила его пощадить себя, не надирать, не портить глазъ.

— Но ты хорошо знаешь, мой другъ, ласково возражалъ онъ ей, блести печальными глазами, что, рисуя, я отдыхаю.

Своимъ произведеніямъ Шмельковъ никогда не зналъ цѣны—и господа издатели, конечно, этимъ пользовались. За весь альбомъ «Смѣхъ и слезы» ему заплатили что-то около тридцати рублей... Эксплуатировали его талантъ и «братья-художники». Одни писали свои картины по его эскизамъ, другіе попросту выставляли на конкурсъ его рисунки вмѣсто своихъ... Въ томъ и другомъ случаѣ они забывали обыкновенно вернуть ихъ собственнику. А тотъ молчалъ. По забывчивости или скромности—Богъ знаетъ... Последняго качества въ немъ было слишкомъ много... Московское общество любителей изящныхъ искусствъ, членомъ котораго состоялъ Шмельковъ, много разъ хотѣло послать его за-границу... Но онъ всегда отклонялъ эту честь, увѣряя, что есть другіе художники, болѣе его достойные этого поощренія... Его ученики могутъ видѣть изъ этого факта, что онъ былъ строгъ въ оцѣнѣ не только ихъ способностей, но и своихъ... Его взгляды на искусство вообще были возвышенны и чисты. «Душа артиста, говаривалъ онъ, болѣе чувствительна ко всему, что ее окружаетъ, чѣмъ самое нѣжное

растеніе тропическихъ странъ къ измѣненіямъ климата и температуры».

Его завѣтной мечтой была профессура въ той школѣ живописи и вапнія, гдѣ онъ самъ учился... Это должно было случиться тотчасъ, какъ только выслуженъ будетъ «сокращенный термонъ», дающій право на пенсію... Но когда цѣль уже была близка, въ правилахъ о пенсіи произошли какія-то перемѣны... Надо было служить для нея еще десятокъ лѣтъ... И послѣдняя мечта Шмелькова не сбылась. Больше онъ уже ни о чемъ не смѣлъ мечтать и, покорный Провидѣнію, молчаливо несъ свой крестъ учительства до 9-го октября 1890 года, когда его не стало.

Трагедія артистической души кончилась... Я рассказалъ ее здѣсь только въ общихъ бѣглыхъ чертахъ, увѣренный, что ученики Шмелькова пожелаютъ сами познакомиться съ книжкою г. Роша... Она посвящена графу Ильѣ Львовичу Толстому, который предоставилъ въ распоряженіе автора альбомъ шмельковскихъ рисунковъ, прибавивъ къ нимъ и «безцѣнное свидѣтельство» (*un temoignage sans prix*) о талантѣ Шмелькова своего знаменитаго отца. Левъ Николаевичъ видитъ въ немъ «истиннаго артиста», вполне отвѣчающаго взглядамъ, выраженнымъ имъ въ книгѣ—«Что такое искусство». И вслѣдъ за г. Рошемъ хочется повторить: пусть этотъ отзывъ великаго писателя-мыслителя будетъ «la bonne fortune de cette notice».

Вл. Апушкинъ.

(1) Жаль, что не указаны авторы и составители этихъ иллюстрированныхъ Шмельковымъ книгъ.